

Глава 22. Мяу-мяу-мяу

За разговором они и не заметили, как мир вокруг резко переменялся. Только что ясное небо в мгновение ока затянули грозовые тучи — тяжелые, иссиня-черные, словно вознамерившиеся без остатка сожрать крупы света. Цинь Му инстинктивно опустил голову и замер: земля под его лапами бесследно исчезла, поглощенная удушливой темной дымкой.

— Что происходит? — растерялся он.

Он попытался задействовать Технику ветра. Всколыхнувшийся вихрь с силой разогнал черную мглу, однако та отступила лишь на миг и вскоре вновь навалилась, подавляя своей тяжестью.

В разгар его паники над самым ухом раздался спокойный, уверенный голос:

— Не сопротивляйся. Позволь ему увести тебя.

Цинь Му послушно замер. В тот же миг перед его глазами промелькнуло белоснежное хвостовое перо. Прежде чем крошечная тьма окончательно скрыла все из виду, оно скользнуло по его векам и опустилось на загривок черного леопарда.

Тонкие лапки крепко ухватились за густую шерсть, он прижался к его шее и негромко скомандовал:

— Иди туда, где увидишь единственный проблеск света.

Сердце Цинь Му бешено заколотилось.

Ему впервые приходилось сталкиваться с подобным. За три года, проведенных на горе, его жизнь ограничивалась лишь зубрежкой скучных базовых заклинаний да бесконечными проказничествами. Никаких спусков в мир ради настоящей практики, никакой борьбы со злом — ничего этого он не знал.

Даже иллюзорных царств ему никогда прежде видеть не доводилось.

Несмотря на липкий страх и нервную дрожь, его переполнял дикий, будоражащий восторг. Шерсть на загривке дыбилась от возбуждения, а кровь так гулко стучала в висках, что этот ритм полностью заглушал все остальные звуки.

Ло Чжу слегка потянул его за шерстку, призывая к порядку:

— Расслабься. Бояться нечего, пока я рядом.

Цинь Му смущенно покраснел и неловко пробормотал:

— Простите... У меня совсем нет опыта. Слишком разволновался.

Оглядевшись по сторонам, леопард спросил:

— Но где здесь белый свет?

— Поищи как следует, — спокойно отозвался Ло Чжу.

Иллюзорное царство коварно: оно порождает фантомы, сокрытые в самой глубине души. У каждого они свои. Когда в такую фантомную реальность попадают несколько человек разом, им приходится противостоять собственным призракам прошлого и в одиночку искать разгадку.

Тьма, обступившая их, была порождением разума Цинь Му.

Ло Чжу незадолго до этого применил тайную технику, силой разорвав собственные иллюзии, чтобы проникнуть в чужое видение. Однако отыскать путь к спасению мог только сам Цинь Му.

— Осмотрись здесь хорошенько. Можешь просто побродить вокруг, — посоветовал Ло Чжу.

Цинь Му послушно кивнул и двинулся вперед наугад.

Он сделал круг, но так и не разглядел ни малейшего намека на свет. Постепенно азарт сменился нарастающей тревогой. Не удержавшись, он спросил у Ло Чжу:

— Там правда есть свет? Вы его видите? Может, дадите хоть какую-то подсказку?

Ло Чжу качнул головой:

— Успокойся.

— Не получается, — признался Цинь Му.

Вокруг царил непроглядный, вязкий мрак. Он совершенно не понимал, куда идет, а под лапами не чувствовалось опоры. Казалось, его заперли в невидимой, тесной клетке.

— Неужели у всех иллюзорные царства выглядят так жутко? — растерянно спросил он.

— У каждого свой путь через фантомы, но в любом из них есть логика, — на лапке Ло Чжу тускло блеснула золотая искра. — Этот мрак рожден твоим разумом. Подумай, почему он возник?

Поначалу эта скверная чернота вызывала у Ло Чжу лишь брезгливость, но, немного пройдясь вместе с Цинь Му, он заметил, что туман не проявляет агрессии. Он просто клубился вокруг, не пытаясь навредить. С подобным явлением великий мастер сталкивался впервые.

— Я не понимаю... — прошептал Цинь Му.

В его душе шевельнулось смутное подозрение. Он догадался, что скрывается за этой чернотой.

«Неужели моя душа настолько темна и порочна?»

Эта мысль заставила Цинь Му внутренне сжаться. Его мышцы напряглись.

В своей прошлой жизни, до перерождения, он и впрямь блуждал во тьме.

Оклеветанный, всеми презираемый и забытый, он отчаянно не желал оставаться ничтожеством, но совершенно не знал, как это исправить. Его осыпали бранью, гнали отовсюду, как шелудивого пса.

Он уже смирился с мыслью, что проживет жизнь никчемным неудачником, пока не встретил нового, самого младшего ученика Ло Чжу.

Цинь Му испытывал к нему черную зависть, но в то же время жадно цеплялся за его доброту, принимая помощь в тренировках.

Эта зависть, смешанная с жадностью, в конце концов и привела его к искажению ци...

Что и говорить, его душа была полна темных пятен.

От этих мыслей у Цинь Му вновь побежали мурашки по коже.

Он вспомнил, что птица, устроившаяся у него на загривке, — это сам Ло Чжу, владыка этого иллюзорного царства. Тот, кто видит насквозь любые иллюзии. И, конечно же, он с первого взгляда раскусил его сущность.

Ему показалось, будто его грудную клетку грубо вскрыли, выставив бьющееся сердце на всеобщее обозрение. Охваченный невыносимым стыдом, он выдавил дрожащим голосом:

— Мне... мне очень жаль.

— Ты все неправильно понял, — заметив, как зверь задрожал, Ло Чжу нахмурился.

Он мягко направил в его меридианы теплую струю духовной энергии, согревая и успокаивая встревоженный разум, а затем добавил:

— Ты впервые столкнулся с фантомной реальностью. Вполне естественно, что ты растерялся и не знаешь, что делать.

Но стыд не отпускал Цинь Му. Даже ласковые слова наставника теперь кололи его, словно иглы.

— Я просто... мне было так обидно. Но у меня не было злого умысла! Я... я правда не плохой человек!

Он лепетал сбивчиво, путаясь в словах и перескакивая с одного на другое. Ло Чжу молча слушал эти обрывки мыслей, продолжая мягко умирять бурю в его душе.

Ло Чжу намеренно заманил его сюда. Во-первых, чтобы без лишних свидетелей разобраться с человеком в чёрном, а во-вторых — проверить самого Цинь Му. Он подозревал, что этот юноша далеко не так прост и наивен, каким пытается казаться, и явно скрывает какую-то тайну. Но сейчас...

«Да он же просто глупыш»

Ло Чжу мысленно покачал головой.

— Не забивай голову лишним, думай проще, — перебил его Ло Чжу. — Это всего лишь первый уровень иллюзорного царства. У него не хватит сил, чтобы пробудить твоих истинных внутренних демонов.

Цинь Му ошеломленно замер.

— Ты хороший человек, — Ло Чжу выдержал короткую паузу и невозмутимо добавил: — Просто глупый.

Цинь Му лишился дара речи.

На мгновение воцарилась тишина. Ло Чжу почувствовал, что смятение в разуме леопарда улеглось, и убрал лапку.

— Иллюзорные царства всегда ведут путника от простого к сложному, — напомнил он. — Раз уж ты уверяешь, что в тебе нет зла, возможно, тебя просто гложет какое-то давнее чувство вины. Но этот уровень отражает лишь твои воспоминания, так что не принимай все близко к сердцу.

Цинь Му запоздало осознал всю неловкость ситуации. От смущения он принялся неистово скрести когтями землю под лапами.

— Я...

— Вспомни хорошенько, когда ты уже бывал в подобном месте? — мягко подсказал Ло Чжу.

На самом деле Ло Чжу уже догадывался о разгадке, но, оставаясь в облике птицы, не спешил раскрывать карты.

Благодаря подсказке Цинь Му быстро сориентировался.

— Это было... еще до того, как я встретил Учителя.

Он замолчал, воскрешая в памяти далекое прошлое. Попав в Павильон Десяти Тысяч Небожителей, он изо всех сил старался вычеркнуть прежнюю жизнь из памяти, желая ассоциировать себя только со своей новой обителью.

Но если приглядеться... те годы действительно походили на этот непроглядный мрак.

Вглядываясь в темноту, понимаешь: там нет ничего. Полная пустота.

— Сколько я себя помню, меня всегда держали взаперти. В тесных, темных комнатах, куда не проникал ни один луч света, — тихо, заворуженно произнес он, словно читал старую, полузабытую сказку. — Так продолжалось до тех пор, пока меня не спас Учитель... Только тогда я наконец осознал, что я человек.

Конечно, его заперли не сразу. Когда-то у него было счастливое детство, теплый дом и любящие родители. Но когда ему исполнилось четыре года, на деревню обрушилась страшная беда. Один за другим без видимых причин стали погибать молодые, сильные мужчины. Вскоре на улицах остались лишь немощные старики да малые дети.

Перепуганный до смерти староста разыскал бродячего даоса. Тот провел ритуал и объявил, что во всем виноват местный пьяница, который по глупости осквернил и разрушил лесной храм Горного духа. Разгневанный покровитель здешних мест решил покарать грешников. Сила Горного духа была такова, что даже Небеса не могли вмешаться напрямую. Спасти деревню от полного истребления можно было лишь одним способом — задобрить разгневанное божество.

А Горный дух питал особую слабость к человеческой плоти. Причем он был невероятно разборчив: его не привлекали те, кто уже познал тяготы жизни и чьи души успели зачерстветь. Ему требовались невинные создания, чистые, как неисписанный лист бумаги.

Однако совсем маленькие дети не могли насытить древнее существо. Поразмыслив, староста предложил безумный выход: отбирать таких младенцев и выращивать их в изоляции как священных жертв, чтобы преподнести духу, едва они достигнут зрелости.

И Горный дух согласился на эту сделку.

В деревне подрастало немало ребятишек, но все они были местными, хозяйскими детьми. И лишь четырехлетний Цинь Му оказался чужаком — его родители приехали издалека и погибли в первые же дни бедствия.

Следуя указаниям даоса, староста бросил сироту в глубокую подземную пещеру и запечатал вход.

С того самого дня для Цинь Му началась жизнь живой жертвы.

— А потом в наши края забрел мой Учитель, — закончил Цинь Му. — Узнав о том, что происходит, он без колебаний спас меня из заточения.

Ло Чжу промолчал.

Для него то давнее спасение было лишь случайным, мимолетным делом. К моменту встречи с Цинь Му он уже взял на воспитание Сы Цзюэ и Шэнь Е. Оба мальчика идеально подходили на роль вместилища для яйца божественного зверя: Сы Цзюэ отличался молчаливостью и невероятной одаренностью, а Шэнь Е рос благородным и чистым душой, совершенно не ведая о мирской грязи.

Вероятность того, что дух божественного зверя изберет одного из них, была чрезвычайно высока. Ло Чжу и подумать не мог, что выбор падет на Цинь Му. Он подобрал истощенного ребенка лишь потому, что тот полностью лишился воспоминаний о первых четырех годах жизни, а значит, тоже оставался абсолютно чист разумом.

Но прошел год, а таинственный дух так и не проявил себя ни в одном из троих учеников. Именно тогда Ло Чжу привел в орден Фэн Аня.

И все же, почему душа божественного зверя столько времени блуждала неприкаянной, прежде чем вселиться именно в Цинь Му?

В душе Ло Чжу зародились новые сомнения. Но его размышления прервал вопрос леопарда:

— Старший, теперь я понимаю, откуда взялся этот мрак. Но как мне разрушить его?

— Вспомни, как в твоей памяти впервые вспыхнул свет? — отозвался Ло Чжу.

Цинь Му замер. В его мыслях мгновенно возник один-единственный образ.

Он невольно покраснел.

— Моим светом... стал Учитель.

В тот переломный миг наставник действительно сделался для него путеводной звездой.

Едва он успел подумать об этом, как перед глазами промелькнул знакомый силуэт Ло Чжу. Тот обратился в ослепительную вспышку, стремительным росчерком рассекшую непроглядную мглу.

Повинуясь инстинкту, леопард сорвался с места и бросился в погоню за ускользящей белой тенью.

Он глотнул воздуха, и где-то в вышине раздался глухой, стеклянный треск — словно лопнула невидимая преграда.

Цинь Му на долю секунды замедлил шаг, но голос за его спиной скомандовал:

— Не отвлекайся, беги вперед!

Он отбросил сомнения и припустил еще быстрее.

Наконец его передняя лапа с силой пробила завесу мрака. На мгновение показалось, что он не успеет затормозить, но следом за лапой из прорехи высунулась усатая морда. Края разорванной черной дыры заструились зловещим туманом, тщетно пытаясь ухватить и утянуть зверя обратно в бездну воспоминаний. Однако скорость леопарда была слишком велика — черные щупальца бессильно скользнули по лоснящейся шерсти, и он одним мощным толчком вырвался наружу.

Цинь Му пробежал по мягкой траве еще несколько метров, прежде чем сумел остановиться.

Обернувшись, он обнаружил, что на том месте, где они только что стояли, колышется бесформенный темный сгусток.

— Ау-у? — удивленно фыркнул он, разглядывая странное порождение разрушенного

иллюзорного царства.

Поскольку иллюзорное царство было безжалостно разорвано, темный сгусток продержался недолго. Он заколыхался, стал оседать и вскоре растаял без следа, словно его и не бывало.

<http://bllate.org/book/18174/1758459>